

Россия - 2004 - 30 янв. - с. 7

Счастье с тоскливыми глазами

Дина Раббель

О 70-летию композитора Владимира Дашкевича в январе писали и говорили практически все издания и телеканалы. Торжественно перечислялись его должности, звания и награды. В сознании зрителей и читателей возникала некая абстрактная фигура почти «забронзовевшего» юбиляра. Но мало кому известно, что Дашкевич не только преданно служит Музе композиции, ночами подлетая к инструменту, чтобы записать родившуюся мелодию, но и плотно включен в общественную жизнь страны, проблемы которой не отделяет от своих личных. — Владимир Сергеевич, вы счастливый человек?

— Странно было бы чувствовать себя несчастным. Я мог бы прожить инженером (вероятность, что стану композитором, была крайне мала), мог бы никогда не найти свою половину (мы поженились, когда мне был 31 год, Олечке — 21, и 39 лет мы вместе). Не могу обижаться на судьбу. И в то же время чувствовать себя абсолютным счастливым было бы странно, потому что считаю свою страну и людей, среди которых живу, несчастными. Все реже вижу живую, радостную улыбку, все чаще — в глазах тоска и беспокойство. Я не нахожу счастливых людей не только среди бедных, но и среди богатых. Общее настроение влияет на меня, и из этого я делаю музыку. Когда Глинка говорил, что «народ сочиняет, а композитор аранжирует», он имел в виду, что от людей приходят какие-то ощущения, эти ощущения являются импульсами, в результате которых возникает та или иная музыка.

— Ваше творчество — это прежде всего кинематограф. Незабываемые «Бумбараш», «Шерлок Холмс», «Зимняя вишня», «Собачье сердце», «Вор». Еще огромное количество театральных постановок. Вас поют и играют в концертных залах. И, несмотря на загруженность, вы интересуетесь политикой и играете в шахматы...

— Музыка — это особая часть моей жизни, я не могу ее сравнивать с чем-то другим не потому, что я — профессиональный музыкант, скорее потому, что я — музыкант от Бога. Я так устроен. Станиславский говорил: «Надо любить искусство в себе», — и я люблю музыку в себе, а не себя в музыке. Естественно, без музыки во мне я прожить не могу. Шахмат остается все меньше. Довольно рано я стал кандидатом в мастера и, наконец, достиг бы хороших результатов, но с двадцати лет приступил к серьезным занятиям музыкой и в шахматы играл все реже. Сейчас я сажусь за доску один раз в году — 1 апреля играю в турнире звезд «МК» в поддавки. Даже стал чемпионом мира, что подтверждено дипломом, подписанным президентом ФИДЕ. В поддавки я выиграл кучу телевизоров и видеомагнитофонов. Но подчеркиваю: я трачу на шахматы один день в году! Что касается политики, я — часть народа, а наш народ без политики жить не может. Уровень понимания проблем нашей страны среди политиков всех направлений — правых, левых, центристских — нулевой. Все они — сверху донизу — растеряны и не могут объяснить, что происходит со страной. Вина во всем, кто занимается политикой.

— И ни один из политиков не вызывает у вас доверия? Или хотя бы симпатии?

— Разделять взгляды людей, которые капитально завели страну в тулуп, я не могу. И не могу им симпатизировать. Мои взгляды исходят из ощущений композитора, получающего свои импульсы от народа и еще из того, что

психоаналитики в XX веке называли «коллективным бессознательным». Русский человек сознанием не живет, он живет исключительно подсознанием. И поэтому объяснение, что «хотели как лучше, а получилось как всегда» — это результат: люди, которые нами управляют, не понимают, что делают со страной. Перед выборами я встречался в узком кругу с Чубайсом и Явлинским. И тому и другому я сказал, что они на выборах не пройдут. И объяснил почему.

— Нам объясните?

— «Коллективное бессознательное» незаметно руководит нашим поведением, симпатиями и антипатиями — это странный зверь, такое духовное животное, ищущее запаха архетипов. Архетипы — исторические ориентиры в жизни каждого народа, каждой страны. Умная власть, свергнув предыдущую, блокирует старые культурные архетипы и создает новые. Это закон. Американцы победили в войне, провели в Германии Нюрнбергский процесс и генцификацию, чем заблокировали архетипы, открыв возможности для создания новых. Когда Ленин стал главой государства, он посадил старые архетипы на паром и увез их из страны. Эти триста лбов, которые проповедовали старые ценности, были «изъяты», и Сталин со своей силой и беспощадностью создал новые советские культурные архетипы, среди которых броненосец «Потемкин», Чапаев, «Ленинградская симфония» Шостаковича, Шолохов, и Пастернак, и Булгаков. Хочу подчеркнуть, что архетипы может создавать и создает только творческая интеллигенция, это ее привилегия, и от того, как она справляется с этой работой, зависит защитная пленка цивилизации, охраняющая человека и от самого себя...

— Защитная пленка — это что за метафора?

— В каждом человеке сидит агрессия, и она может рвануть в любой момент. Есть многочисленные примеры. Защитная пленка — это культура, она и состоит из архетипов и является признаком цивилизации. Когда защитная пленка распадается — распадается Римская империя, Советский Союз и т.д. И особенно это характерно для России, потому что архетипы связывают нас в единое сообщество, они вызывают понимание и общее настроение: любовь к Родине, гордость за нас самих, за наших героев — Пушкина, Толстого, Чайковского. Если бы их не было, Россия распалась бы гораздо раньше. Она как геополитическое образование в высшей степени неуклюжая и нежизнеспособна. И образумить ее могут только очень сильные культурные деятели. Юнг, который первым понял, что такое коллективное бессознательное, и дал определение архетипам, сказал про Гитлера, что он «воплощение коллективного бессознательного немецкого народа». Вот и Сталин — воплощение коллективного

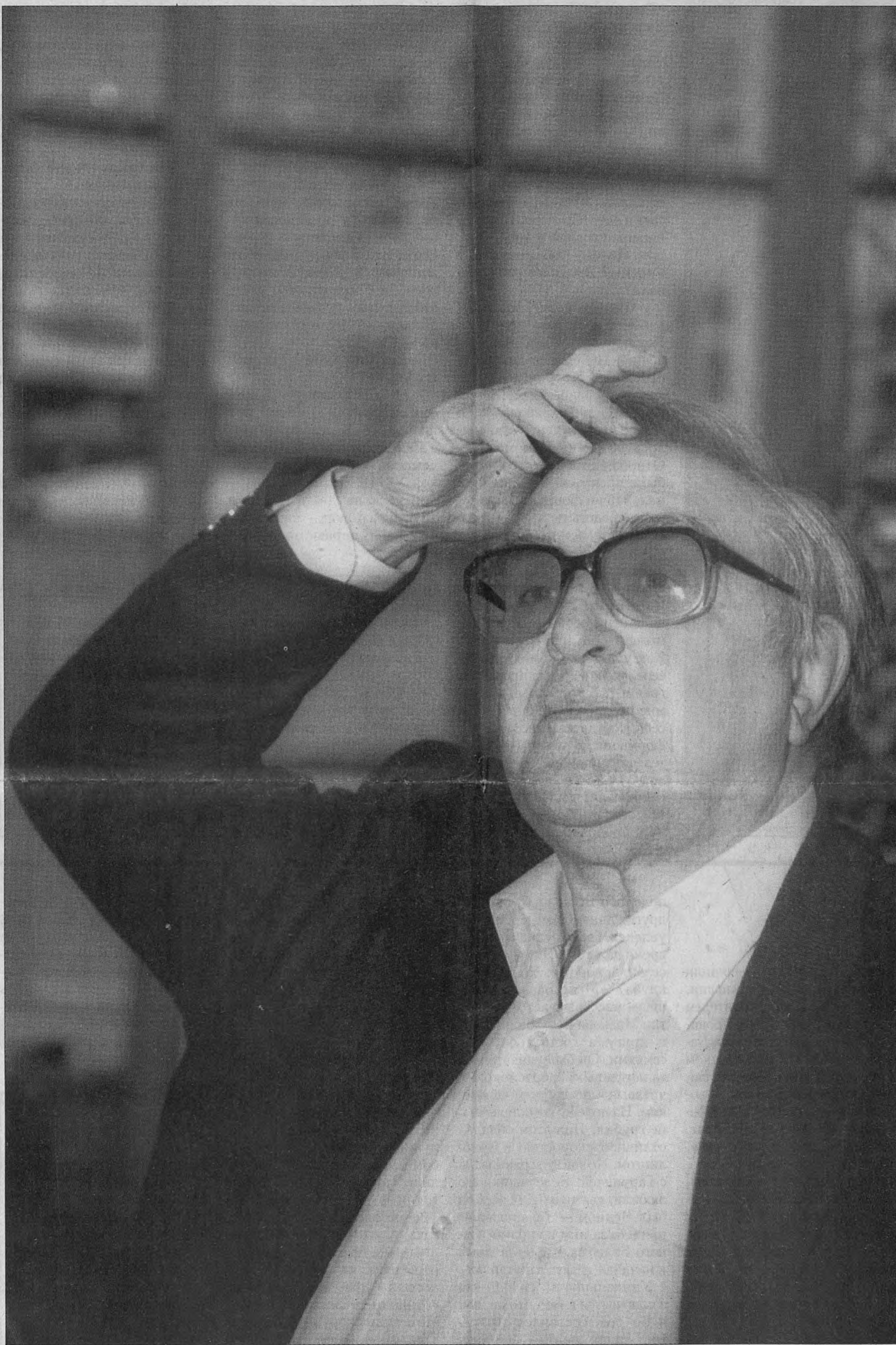

Фото Владимира Богданова

бессознательного советского народа.

— В том смысле, что народ получил то, чего подкоркой хотел?

— Коллективное бессознательное выбрало его как свое воплощение. Не Сталин устраивал репрессии, мы сами. Потому что ближе всего тому, что происходило внутри нас, соответствовал Сталин. Его поступки отражали нашу агрессию. И сейчас из-за собственной агрессии мы ищем человека, который воплотит ее. Призвание культуры — защищать нас от нас самих.

— Вы это сказали Чубайсу и Явлинскому?

— В том числе. И еще вот что: «Прошло 15 лет, как вы пришли к власти. За это время загнобили творческую интеллигенцию в задницу, не дали ей возможности создать защищающие культурные архетипы. Вы загасили энтузиазм 80-х годов, и теперь, когда вы обломаетесь, народ только обрывается — так же, как в случае с Ходорковским. Вы как новая власть обречены. Вы не создали новую цивилизацию. Россия сегодня — это страна без цивилизации, без новой культуры и без новой политики».

— Что вы предлагаете?

— Пока мы не пойдем на

уровне современной философии нашу жизнь, ничего не изменится. Мы не учимся дальше. Индекс цитирования классиков марксизма-ленинизма до сих пор такой же, как в советскую эпоху. Маркс и Энгельс уже никакого отношения к нашему времени не имеют. Мы не читали ни Попера, ни Лорена... Подсознательно все мы чувствуем, как капитально влипли, а перспектив выбраться из создавшейся ситуации очень мало. Поэтому что нет людей, способных хотя бы четко объяснить, что произошло со страной. Как я уже говорил, коллективное бессознательное — это зверь, идущий на запах архетипов. В нашем варианте зверь повернул вспять и пошел назад. Запели «старые песни о главном», вернули старый гимн. Включилась авторитарная власть, потом — тоталитарная. На самом деле чем больше человек погружается в прошлое, тем меньше ему нравится настоящее. Это невольно власти. Нельзя погружаться в ностальгическое состояние и выныривать только для того, чтобы сказать: «Ну какое же здесь г...», лучше посмотрю старый фильм». Ощущение капитальной неудачи возникает от того, что страна как бы идет вперед, но

с головой, повернутой назад. Неудобная поза. Даже для коротких дистанций.

«Навозные жуки» захватили все, посредством чего можно манипулировать подсознанием. Выборы — манипуляция. Телевидение — манипуляция. В какой-то степени манипуляцией подсознания занимается и пресса, хотя пока еще хранит определенную автономию, но насколько ее хватит? Потому что когда наш паровоз летит не вперед, а назад, он давит всех, не различая. И в результате, если мы получаем хорошую культурную продукцию, как, например, фильм «Возвраще-

лина хватало ума не делать Утесова или Шульженко героями культурного процесса, а поставить во главе пирамиды классиков — Шостаковича, поп-музыки — Дунаевского. И, когда ему надо было посоветоваться, он все-таки звонил Пастернаку, а лучшим поэтом назвал Маяковского. Чтобы понять, что такое в России коллективное бессознательное и как общество относится к ценностям и таланту, достаточно почитать скажем, в глазу «включает» арифмометр, подсчитывающий, сколько денег переплатило выступление. Именно с этим связаны большие неудачи нашей музыки последних лет. Музыкант выходит играть без любви, и это прекрасно ощущает публика. Наши известные классические музыканты уже больше похожи на поп-звезд, боюсь, что они давно забыли, что такое любовь к музыке. Если мы не вернем любовь к музыке как к музыке в себе (по Станиславскому), мы потеряем профессию. Россия всегда гордилась великими композиторами, сколько имен за последние десятилетия! С 70-х годов, после того как появилась плеяда — Таривердиев, Рыбников, Гладков, Артемьев, Дашкевич и несколько других имен, практически в музыке ничего не происходило: ни новых имен, ни громких сочинений. Хотя и их клеймили, вот цитата: «Они ухитряются сочинять музыку с помощью халтуры и беззастенчивого наглого поведения с режиссерами»!!! Каждый год диплома о высшем образовании получают около 30 композиторов, то есть тысячи композиторов канули в Лету. Вот цена нелюбви к музыке. Я учился у Хачатуряна, у него же учились Эшпай, Таривердиев, Минков, Рыбников, мы получили от него любовь к музыке и любовь к слушателям. Если ты не любишь того, для кого ты работаешь, он отвечает тебе тем же.

— По-моему, невозможно при таком обилии заказов, как у вас, выдавать каждый раз на все сто. Души не хватает и вдохновения. И любви тем более. Халтурка наверняка проскакивает. В сериалах, например. Не секрет, что для многих это не творчество, а способ заработать деньги.

— Я не делю свои работы на «халтуру» и на «нехалтуру», дело по принципу «берусь — не берусь». Я написал музыку к сериалам «Остановка по требованию» и «Пятый ангел» и считаю, что «Ангел» — в высшей степени серьезное и оцененное произведение. У русского сериала колоссальный потенциал. Возьмите фильмы «Идиот» или «Азазель». При таком количестве талантливых актеров и режиссеров наши сериалы выглядят все лучше. Что касается телемузыки — я получил приз за сериал «Что сказал покойник», второй — за «Остановку по требованию». Мне, наоборот, гораздо труднее писать музыку для кино, потому что в сериале есть ценнейшее качество — обратная связь со зрителем, с миллионной аудиторией, и ты понимаешь, что у тебя есть реальный слушатель, есть диалог. Если ты пишешь музыку к фильмам, даже к таким удачным, как «Вор» (я получил «Нику» или «Ворошиловский стрелок», все равно — зрителями фильму не востребованы в полной мере, и такая ситуация резко усложняет работу композитора. Ты не ощущаешь человека, для которого пишешь. Не случайно появились так называемые фестивальные фильмы, они априори не для зрителя, а для жюри, а мне совершенно неинтересно писать музыку для жюри. Не в этом же смысл моей профессии! Смысл — сказать человеку что-то существенное. В тот момент, когда музыка отвернулась от публики и утратила с ней контакт, появилась авангард, который выжег, как огнеметом, понятие музыкального языка. И в авангарде в основном общаются музыканты друг с другом. В то же время композиторы, работающие с режиссерами в кино, создали много красивой музыки. Примеры — Дунаевский и Александров, Прокофьев и Эйзенштейн, Никол Рота и Феллини.

— С кем вы поставите себя? И с Маслениковым, и с Бортко, и с Товстоноговым, и с Галей Волчек, и с Ефремо-

вым, и с Юткевичем, и с Абдрашитовым... Общение с такими людьми очень обогащает композитора. Режиссеры при большой вредности своего характера обречены искать смысл жизни. Смысл жизни у всех разный, и это состояние — поиска — выделяет композиторов из всех остальных. Композиторы, не работавшие с гениями, заметно обеднены. Когда я работал с Рахманиновым над «Бумбарашем», мой арсенал музыкальных средств заметно расширился. До этого я не писал народных песен, и мне не приходило в голову, что вся фольклорная, корневая структура музыкальной жизни до сих пор жива и плодотворна. Недавно я написал песню «Иерусалим, сердце мое» на 137-й псалом из Библии (к спектаклю Левитина, который не был выпущен), текст написал Ким — наше сочинение запели в Израиле как народную песню, затем возник «Иерусалимский квартет», который с успехом сыграл квартет Шостаковича.

— Есть среди ваших сочинений наиболее любимая вами музыка? Как вы думаете — в смысле живучести — что останется для потомков?

— Сочинять в расчете на будущие сто лет, надеясь, что только потом тебя поймут, бессмысленно. Обидно, когда фильм получился слабенький, а музыка хорошая, и никому не докажешь, что она хорошая. Хотя есть поучительные примеры: Соловьев-Седой написал песню «Подмосковные вечера» для очень неудачного фильма, и все тогда говорили, что и песня плохая. Потом кто-то из известных певцов ее спел, и все поняли, что песня — шедевр. Бывает и наоборот. Фильм удачный, и кажется, что и музыка удачная, хотя на самом деле не очень. Так устроен зритель. Если фильм нравится, нравится все, без особого отдельного анализа.

Композитор — самая тяжелая профессия из всех, мне известных. А я ведь шесть лет проработал инженером. Если ты не способен встать в четыре часа утра, чтобы записать тему, которая в это время тебе пришла в голову, если ты не можешь 10—12 часов работать со все возрастающим энтузиазмом, до одурения, пока не упадешь, в этой профессии делать нечего. Композитор — редкое явление. Несмотря на то что в Союзе композиторов около 700 человек, музыку пишут не больше пятидесяти. Это — штучный товар, и его нельзя запускать на рынок. Рыночный товар — попка. Во всем мире с поппсы берут на логи, на них содержат оркестры, с их помощью композиторы могут сочинять серьезную музыку. Ведь композитор, работающий в серьезном жанре, не может нанять оркестр и заплатить за аренду зала. Аренда зала консерватории стоит больше 5000 долларов! Это под силу только государству. Политики много болтают о национальной идее. Национальная идея выражается в национальной музыке. Другое дело — когда эти образцы достигают уровня Верди, Бизе, Вагнера или Чайковского, становятся музыка — общечеловеческого масштаба. Но национальную идею России лучше, чем Чайковский, никто не выразил. Это и есть наша задача. Но мы не сможем ее выполнить, у нас даже нет возможности достойно показать свои произведения.

— Вам грех жаловаться!

— Вот и вы не знаете, что более двадцати моих крупных произведений вообще никогда не исполнялись! Мою серьезную музыку никто не знает! Я не старости боюсь, я боюсь не успеть. Музыка — это программа выживания. Но выживать можно в общечеловеческом плане, и тогда нужен Моцарт, а можно выживать на зоне, тогда появляется «Мурка». Россия должна выбирать: если она хочет превратиться в одну только зону, пусть слушает радио «Шансон», музыку, которая идет потоком, убивая и растлевая души людей, делая из них психов, а главное — неудачников. Блатные песни — про это. Что такое уголовник? Человек с неудачной судьбой, про это он и поет, заражая своей неудачей других. Вот мы и вернулись к началу разговора. Как быть счастливым, когда у всех, несмотря на разность жизни, тоскливые глаза...

Слова

Юлий Ким, поэт, бард:

— Мы дружим тридцать лет и столько же лет сотрудничаем. Чего я могу сказать о Дашкевиче? То, что это гениальный талант, известно всем. Но мне больше всего нравится, что он, занимаясь кино и театром, время от времени возвращается к крупным симфоническим формам. Дашкевич универсален, и это восхищает. Он добросовестен и когда пишет

музыку за гонорары к сериалам, и когда абсолютно бесplatно — симфоническую. Вольно много читает, чтобы осмыслить не только музыкальный процесс, но и общественный в самом широком смысле слова. Он и сам периодически занимается общественной деятельностью и даже политический. Но я к нему как к политике отношусь скептически — уж слишком он человек увлекающийся...